

НА СЛОМЕ

Сов. Россия. - 1994. - 2 июня

26 мая в театре «Содружество актеров Таганки» давали «Чайку». И этот день в судьбе театра стал знаменательным — именно 26 мая Арбитражный суд г. Москвы отменил притязания московской мэрии и Ю. Любимова на новую сцену Таганки и подтвердил полное законное право владения «Содружеством актеров Таганки».

В ходе борьбы за это справедливое решение коллектив театра обратился к депутатам Государственной думы с письмом: «С момента своего создания наш театр работает в экстремальных условиях. Хотя мы являемся государственным городским театром (некоммерческой организацией), правительство Москвы до сих пор не выделило нам ни рубля из городского бюджета, хотя все московские городские театры получают дотации. Мы постоянно слышим угрозы со стороны тех или иных служб правительства Москвы, которые стремятся выселить нас из театра любыми средствами. Однако, несмотря на все это, 5 февраля 1994 г. на сцене нашего театра состоялась первая премьера — спектакль «Чайка» А. П. Чехова в постановке режиссера С. Соловьева... Существенной поддержкой для нас будет согласие Государственной думы выступить в качестве учредителя нашего театра, а также оказать содействие в его финансировании».

Итак, «Чайка». Как подчеркнул художественный руководитель «Содружества актеров Таганки» Николай Губенко, в этом спектакле театр работает в новой стилистике синтеза театра и кино. И действительно — декорации, захватившие почти половину зрительного зала, как бы вводят пришедших в театр в самую ткань спектакля, параллельность действия сразу в нескольких местах создает тот же эффект, что и быстрая смена кадров, подчеркивая одновременно происходящего, а водная гладь озера, плещущегося у ног зрителя, и дождь, действительно припустивший во всю мощь в трагической сцене возвращения Заречной, создают эффект, может быть, даже больший, чем в кино, — зритель ощущает и холод, и одиночество вполне реально. Нет в этом спектакле только крупного плана, где актер доверяет зрителю драму души, где художники высокого мастерства, безукоризненно владея искусством психологического рисунка, создают неповторимые человеческие характеры. Кстати, это мастерство пришло к актерам кино из театра, и русский национальный театр в этом искусстве достиг огромных вершин.

«...Гаев уже не может говорить и с глубокой нежностью повторяет одно только слово: «Сестра моя!» Вот и она ушла. Он задерживается еще на мгновение, оглядывает комнату, потом внезапно опускает голову, прикрывает лицо рукой, и все его тело начинает содрогаться от глухих, подавленных рыданий».

Этот последний уход Станиславского, вызывавший неуправляемые слезы в публике, художественно удовлетворил самого Чехова, так благородно, сдержанно и тонко, так бесконечно далеко от всяких трагических театральных шаблонов была исполнена эта сцена, и художественное и поэтическое обаяние ее так волновало воображение и мысль, что мы начинали видеть за ним необъятную ширь русской жизни и дали истории в ее прошлом и зовущем к себе будущем». Такие были актеры в русском театре, и это свидетельство современника МХАТа, куда Чехов приносил свои пьесы, потому что его «приятно тронула интеллигентность тона, и со сцены поведало настоящим искусством» приводит здесь вовсе не из-за непони-

мания того, что «Таганка», жившая четверть века под сапогом Любимова, давившим личности и души, может в одночасье подняться на вершины русского театра. Нет, конечно, но «Содружество актеров Таганки» обратилось к Чехову, обозначив именно «Чайкой» начало своей новой творческой судьбы, и потому зритель будет предъявлять требования к художественному образу, создаваемому на сцене, исходя из той высшей точки отсчета, которая ему известна в русской театральной школе. Совсем недавно Н. Губанко сказал: «Какое это высокое наслаждение произносить чеховский текст». По-видимому не менее высокое — проникнуть в суть и глубину характера чеховских образов, заставить зрителя чувствовать трагизм их внутренней жизни, мерзости окружающей действительности, воспитать в зрителе неприятие пошлости.

Судя по тому, каким оказался спектакль «Чайка», выпущенный коллективом «Содружества актеров Таганки», они видят за плотным кольцом спустившихся черных туч озаренную солнцем снежную вершину. Безусловно, путь к ней будет труден и долг. В той же «Чайке», которая представлена сегодня зрителю, есть и достаточно точное и уважительное отношение к авторской речи и позиции Чехова, есть и созвучие с современной жизнью — спектакль, созданный «Содружеством актеров Таганки», — это горький рассказ о судьбе современной молодежи, брошенной на произвол судьбы и неостребованной, да и просто ненужной обществу, бьющейся в сетях непонимания, пошлости и все же любви к этому отвергающему ее чудовищу — старшему поколению, своим эгоцентризмом и самолюбованием, равнодушием и безволием, толкающим своих детей к самоубийству. При всей своей неуклюжести и невоспитанности, подчеркнутой нарочито бездарной игрой, сопровождаемой бесконечной экспрессией в стеланиях и задамываниях рук — («страдания нужно выражать так, как они выражаются в жизни — взглядом, жестом, поступком». Чехов). Треплев и Нина Заречная (С. Монахова, М. Липкини) тем не менее создали трагический образ молодежи, разлавленной жестокостью общества. Не менее определен и образ Тригорина, суть и смысл которого Н. Губенко увидел как собирательный образ современной интеллигенции — растерянной, безвольной, равнодушной и в конечном счете пустой.

Да, «Чайка» опять, как и в самом начале века, на трагическом сломе русской истории стала для возрождающегося театра символом жажды светлой и честной творческой жизни. Видно сам Господь Бог привел наилучшие души к этому живительному источнику, сказав, что «Чайка» в своей чистоте помыслов и жажде свободы способна спорить с бушующей вздыбленной стихией распавшейся общественной жизни.

В этой связи важно, как отреагирует Государственная дума на обращение к ней артистов театра. В тяжелой борьбе за себя он продемонстрировал сплоченность коллектива в желании работать в искусстве. И в том, что театр «Содружество актеров Таганки» нашел в себе мужество обратиться на этом изломе своей судьбы, понимая всю трудность пути к созиданию, видится надежда на то, что, может быть, когда-нибудь на занавесе этого театра засверкает девиз: «Соколий и прекрасный — человек — это звучит гордо!»

Галина ОРЕХАНОВА.